

ГЛАВА 2

В 1283 году несколько флорентийских поэтов, в том числе Гвидо Кавальканти, получили сонет от начинающего, еще никому не известного молодого поэта Данте Алигьери. И с этого момента Данте вошел в круг молодых флорентийских поэтов, а Гвидо стал его лучшим другом. С этого сонета начинается юношеская лирика Данте, которую он посвятил молодой женщине по имени Беатриче.

Когда она умерла, он собрал часть стихотворений, посвященных ей, дополнил их новыми, оплакивающими ее смерть, а также некоторыми стихами, имеющими к ней косвенное отношение, и вставил в прозаический рассказ. Так возникло его первое произведение — «Новая жизнь».

Впоследствии историки литературы ожесточенно спорили, действительно ли существовала Беатриче или ее создало воображение поэта. Были перерыты флорентийские архивы, и среди старых записей обнаружили имя Биче Портинари, дочери Фолько Портинари.

Скудные сведения все же позволяют считать, что это и есть та самая Беатриче, о которой писал Данте. Это мнение кажется нам справедливым и потому, что Данте

тяготел к изображению действительно живших людей или известных литературных героев, которых воспринимал как живых. У него почти нет выдуманных персонажей.

Насколько Беатриче походит на Биче Портинари (о ней известно, что она была замужем, имела детей и умерла в возрасте 25 лет) и был ли Данте действительно в нее так сильно влюблен, мы не знаем. Да это и не важно. Скорее всего, ее облик чем-то поразил молодого Данте, и он, следуя, как его товарищи, обычай трубадуров, перенесенному в итальянские города, избрал ее дамой своего сердца. Однако это не было только литературной игрой, так как Беатриче стала представляться ему идеалом нравственного совершенства.

Маленькая книжечка «Новая жизнь», рассказывающая о юношеской любви Данте к Беатриче, на первый взгляд кажется лирической повестью, где правда перемешана с вымыслом.

Фабула повести чрезвычайно проста. Данте вспоминает о своей первой встрече с Беатриче, когда ей было всего лишь девять лет и она явилась ему «одетой в благороднейший алый цвет», вспоминает о том, как уже юношей он смотрел на нее в церкви, делая вид, что смотрит на другую женщину, которую назвал «дамой-ширмой», говорит о «жестокости» Беатриче, переставшей отвечать на его поклон, и о своих страданиях; рассказывает о смерти ее отца, о своем вещем сне и смерти Беатриче, о том, как он ее оплакивал.

За внешней простотой фабулы скрывается, однако, сложное внутреннее содержание. Своей лирической исповеди Данте придает философский смысл, в духе концепции Гвиницелли, легшей в основу поэзии «стильновистов». Любовь к Беатриче превращается в стремление к высшему благу, к которому Данте хочет приобщить все

Флоренция. Старинная миниатюра.

человечество. В этом раннем произведении чувство нераздельной связи с миром выражено очень отчетливо. И вместе с тем личная история поэта не растворяется в общей мистико-философской концепции, а переплется с ней. В соответствии с этим по-новому звучит старая тема любви и смерти, известная античным и средневековым поэтам. Победу над смертью одерживает уже не страсть, а духовное чувство, которое сливается со стремлением к добру. Смерть только усиливает это чувство.

Форма повести необычная: проза перемежается в ней со стихами. Такая смешанная форма встречается лишь в сочинении латинского поэта Боэция — «Философское утешение». Данте хорошо знал Боэция, и его сочинение могло натолкнуть на мысль дать лирическим стихам, которые в Италии так чтили, прозаическое обрамление.

Поэзия, вошедшая в «Новую жизнь», создавалась не сразу, между первым и последним стихотворением прошло восемь-девять лет.

В ранних сонетах Беатриче совсем не появляется; в очень общей, иногда аллегорической форме, поэт рассуждает о любви, о противоречивых мыслях, которые она вызывает, о ее разрушительном действии на человеческую душу. Он воспевает даму-ширму, беседует с Амуром о том, как лучше скрыть свою любовь, и лишь в одной баллате он обращается к Беатриче, не называя ее имени. В самых первых стихотворениях чувствуется влияние провансальской поэзии, сицилийцев, некоторых тосканских поэтов, часто олицетворявших любовь в образе Амура (того самого куртуазного «бога любви», в чью честь устраивали празднества). Но скоро начинает сказываться дружба с Кавальканти, трагически воспринимавшим любовь. Лучший сонет всей первой части —

как и Гвиницелли, Данте хочет доказать, что любовь облагораживает человеческую душу, и потому подчеркивает, что его возлюбленная — существо необычайное. Но он идет дальше Гвиницелли. У Гвиницелли бог укоряет поэта за суетную любовь к женщине, Данте же пишет, что на небе ждут, когда Беатриче поднимется к «горнему престолу» и займет свое место среди «сонма праведных».

Еще сильнее, чем Гвиницелли, он подчеркивает, что его возлюбленная несет блаженство и чистую радость. И при этом вряд ли осознает, что в его стихах подспудно звучит мысль, по существу очень вольная: людей ведет к добру не проповедь слова божия, не обещанная награда после смерти и не страх кары, и даже не подвижник, отречившийся от всего земного, а благородная чистая человеческая душа, которая пробуждает в окружающих хорошие чувства, просветляет их.

Именно потому, что главное для Данте — это нравственное влияние Беатриче, в поэтическом изображении выступает не внешняя, а внутренняя ее красота, та, которая делает людей лучше. По сравнению с первой частью книги, Беатриче изменилась. Данте смотрит на нее другими глазами, так как не ждет ответной любви. Исчезла жестокая усмешка «прекрасной дамы», Беатриче стала смиренной и кроткой, похожей на женщину-ангела, появившуюся в стихах Гвиницелли и других «стильновистов».

И у Гвиницелли, и у Кавальканти образ возлюбленной очень неотчетлив. В этом же упрекают и Данте. И действительно, кажется, что легкая фигура Беатриче расплывается, как будто Данте видел ее издали, когда она быстро скользила по узкой, полутемной улице, или в церкви при мерцающем свете свечей, когда лицо ее напоминало ему лик мадонны. И все же Беатриче не толь-

ко символ праведности на земле. Вглядимся в неясный рисунок, и мы начнем различать черты живой женщины.

Ее чело как жемчуг, где мерцает
Прозрачно разлитая бледнота...¹

Матовая бледность Беатриче — это тот неповторимый оттенок, благодаря которому ее лицо оживает. Хрупкая, бледная женщина — вот какой она начинает представляться нашему воображению.

В сонете пятнадцатом Данте упоминает, что она «слегка улыбается», и эта полуулыбка кажется ему чудом. Опять нюанс — и бледное лицо приобретает выражение: Беатриче скорее грустна, и лишь легкая, задумчивая улыбка мелькает иногда на ее губах. Но образ Беатриче живет прежде всего потому, что Данте все время показывает ее через восприятие окружающих.

Столь благородна, столь скромна бывает
Мадонна, отвечая на поклон,
Что близ нее язык молчит, смущен,
И око к ней подняться не дерзает.

Она идет, восторгам не внимает,
И стан ее смиреньем облачен,
И кажется: от неба низведен
Сей призрак к нам, да чудо здесь являет.

Такой восторг очам она несет,
Что, встретясь с ней, ты обретаешь радость,
Которой непознавший не поймет,

И словно бы от уст ее идет
Любовный дух, льющий в сердце сладость,
Твердя душе: «Вздохни...» — и воздохнет.

В сонете как бы две мелодии: скромной, чистой, даже смиренной рисуется нам Беатриче. Но ее жен-

¹ «Новая жизнь» цитируется в переводе А. Эфроса. См. Данте, Новая жизнь, «Художественная литература», М. 1965.

ственная фигура неожиданно оказывает поразительное действие на окружающих, как будто сама мадонна спустилась на землю. Гиперболы, к которым прибегает поэт, должны навести читателя на мысль, что перед ним не просто женщина, а призрак, низведенный с неба, вызывающий смущение и трепет. И все-таки в следующей терцине говорится, что каждый, кто на нее смотрит, испытывает несказанную радость, потому что от ее уст исходит веянье любви. Этот резкий контраст, подчеркивающий, что Беатриче воплощает двойное начало — человеческое и ангельское, в то же время делает ее образ более рельефным: благодаря отношению окружающих необычайная душевная чистота Беатриче становится более зримой, так на картине фигуры второстепенные, обращенные к главной, оттеняют ее.

Лишь один раз в этой части мелькает перед нами Беатриче без мистического ореола — в сонетах, где Данте говорит о ее скорби после смерти отца. Лицо ее залито слезами, и оно выражает такую тоску, что тот, «кто увидит ее — умрет от жалости».

В этих двух сонетах проявляется и совершенно иное отношение поэта к возлюбленной, теперь он по-человечески жалеет ее.

Рядом с темой любви развивается и тема смерти. Впервые она появляется в первой части повести, в сонете, где Данте оплакивает кончину молодой женщины — подруги Беатриче. Сонет написан в манере, обычной для сицилийцев: поэт, обращаясь к смерти, хулит ее, называет ее жестокой. Она — «враг жалости», «мать слез и вздохов», «неистовый, нещадный судия». Однако, несмотря на то, что поэт ропщет против смерти, она оставляет его холодным. Сонет так же условен, как и ранние стихи о власти Амура. Данте очень мало знал умершую молодую женщину, лишь видел ее как-то вместе с Беатриче.

Второй раз смерть подходит ближе и напоминает о себе более настойчиво. Умирает отец Беатриче. Горе дочери глубоко трогает поэта, но сама по себе смерть еще не воспринимается как нечто страшное. И лишь мысль о том, что и Беатриче может умереть, придает образу смерти настоящую драматичность. Канцона, в которой поэт рассказывает о своем вещем сне, принадлежит к лучшим созданиям его поэзии. Здесь поэт выходит за пределы лирики «нового сладостного стиля» и создает резкий патетический стиль, в котором уже чувствуется перо творца «Божественной комедии».

Канцона начинается со вступления. Данте болен, его преследуют видения, он зовет Беатриче. Ухаживающие за ним молодые женщины спрашивают его, что с ним. Он открывает им то, что привиделось ему в бреду.

Общее рассуждение о непрочности жизни, звучащее почти спокойно, сменяется страшной мыслью, что и Беатриче ожидает смерть, и полным смятением чувств перед лицом смерти, которая угрожает ему самому.

Дальше Данте уже говорит только о Беатриче:

И я узнал еще о дивном многом
В том буйном сне, который влек меня:
Я пребывал в стране неизъясненной,
Я видел донн, бегущих по дорогам,
Простоволосых, плача и стяня,
И мечущих какой-то огнь нетленный.
Потом я увидал, как постепенно
Свет солнца мерк, а звезд — сиял сильней;
Шел плач из их очей,
И на лету пернатых смерть сражала,
И вся земля дрожала,
И муж предстал мне, бледный и согбенный,
И рек: «Что медлишь? Весть ли не дошла?
Так знай же: днесь мадонна умерла!»

Смерть Беатриче представлена как грозное стихийное бедствие. Заключительный стих становится как бы

развязкой этой космической драмы. Космические мотивы, встречающиеся в мистической литературе XIII века и навеянные Евангелием и Апокалипсисом, играют здесь совершенно определенную роль: тема любви к Беатриче, как к высшему существу, любви, которую разделяет с поэтом человечество, доведена до апогея. Беатриче приносила радость миру, теперь вместе с Данте мир ее оплакивает. Горе Данте таким образом — чувство еще менее личное, чем его любовь.

Во второй части канцоны — резкий перелом: напряжение спадает, наступает успокоение.

Подняв глаза, омытые слезами,
Я увидал, как улетает ввысь
Рой ангелов, белея словно манна;
И облачко пред ними шло как знамя,
И голоса вокруг его неслись,
Поющие торжественно: «Осанна!»

И бред позволил мне
Узреть мадонны лик преображеный;
И видел я, как донны
Его фатой прикрыли белотканой.
И подлинно был кроток вид ея,
Как бы вешавший: «Мир вкусила я!»

Этим мистическим апофеозом Беатриче снимается трагизм первой части. Белое облачко — душа Беатриче — напоминает о ясном, голубом небе. Беатриче обрела мир. Все то, что говорилось о ее неземной красоте, теперь получило логическое завершение. Беатриче утратила свою двойственность, она перестала быть женщиной, теперь она только ангел. И потому естественно, что поэт тоже успокаивается: смерть уже не кажется страшной, сплакивать можно живого человека, а не ангела.

Беатриче растворилась в вечности. Любовь к женщине слилась с любовью к богу. Стремление к общности с миром приняло у Данте христианско-мистическую форму.

Третья часть повествования начинается после действительной смерти Беатриче. В канцоне «Устали очи, сердцу сострадая» Данте скорбит о Беатриче, покинувшей греховную землю, недостойную ее, и вновь напоминает, что она теперь среди ангелов. Физически созерцать ее невозможно. Она может «явиться» только в видении. «Индивидуальность» Беатриче теперь полностью исчезла, Беатриче превратилась в символ благодати. Поэтому лирическое чувство может ожить только в воспоминаниях о ней как о существе земном. Канцона «Не рад, увы, когда я вспоминаю», где на переднем плане сам поэт, не так торжественна, как предыдущая, но зато более непосредственна и потому трогает сильнее.

Казалось бы, после стихов, оплакивающих Беатриче, сказать уже больше нечего. Однако Данте вводит совершенно неожиданный эпизод. Происходит нечто не совместимое ни с канонами рыцарской любви, ни с мистическим поклонением. В сердце Данте зарождается новое чувство, на этот раз ответное. Робкая, оборвавшаяся любовь, которая звучит приглушенно,— одна из самых поэтических страниц «Новой жизни». Четыре сонета Данте посвятил женщине, которая его пожалела.

Сонеты очень просты, в них нет гипербол, потому что нет стремления идеализировать женщину, придать ей ореол ангела. Никто, кроме Данте, и не заметил ее, но он все пристальнееглядывается в ее лицо.

«Никогда я не видел, чтобы бледность— цвет любви и цвет сострадания — так покрывала лицо женщины, хотя я часто видел милые очи и горькие слезы. Как бледнеете вы, когда я перед вами страдаю. Из-за вас мне приходит на память то, отчего разрывается мое сердце».

Ему кажется, что она похожа на Беатриче, и это извиняет его в его собственных глазах. Но все же он

боится изменить памяти своей великой любви и твердит, обращаясь к своим глазам, что они всегда должны ее помнить.

Но именно то, что он приказывает себе быть верным памяти Беатриче, означает, что новое чувство захватило его душу.

Эти четыре сонета — грустные и задумчивые — начали новой лирической поэзии, поэзии личного чувства, не превращающегося, однако, в жестокую роковую страсть. Если в ранних стихах Данте есть переживания поэта, но нет возлюбленной, а в зрелых, где она появляется, — исчезает он сам, то в этих сонетах обе легкие тени встречаются. И мы их видим, несмотря на поэтические недомолвки и на то, что поэт еще не может полностью отрешиться от условности. Но так же, как и в первый раз, когда он еще следовал за Кавальканти, Данте не стал развивать эту совершенно новую поэтическую тему. Не стал потому, что любовь, а вернее, благоговейное созерцание Беатриче — в моральном отношении казалось ему выше. Потому что Любовь с большой буквы утверждала его связь с человечеством, чего не могло ему дать второе чувство, гораздо более интимное, но не столь высокое. И он подавил его.

Последние три сонета вновь посвящены Беатриче. В сонете 24-м опять повторяется мысль, что кончина Беатриче — несчастье, постигшее человечество, и особенно город Флоренцию. Но на этот раз эта мысль высказана спокойнее, в сонете нет трагических образов и космических мотивов. Это грустное и задумчивое рассуждение. Данте обращается к проходящим через город паломникам:

Поведайте, почто вы слез не льете,
Застигнувши сей город среди бед?
Иль горя вы не видите примет
И тяжести утрат не сознаете?

Мягкость и задумчивость придает сонету образ странников, неторопливо идущих через город. Они не наделены божественной прозорливостью, не знают, что умерла Беатриче и какое это несчастье для города. Все в сонете естественно и просто, даже удивление Данте. Смерть Беатриче так поразила его, что все люди — кажется ему — должны разделить его скорбь, тем более что ее смерть — это не личное его горе. В лирике Данте еще нет мотива одиночества, потому что, хотя личное самосознание в ней уже выражено, поэт не противопоставляет себя миру.

Последний сонет «Новой жизни» — мистическое видение, более абстрактное, чем канцона о вещем сне, но имеющее особое значение. Это отдаленная прелюдия к «Божественной комедии».

Поэтическая история Данте и Беатриче закончена. Возвеличивая Беатриче, Данте не только придал важное объективное значение чувству любви, он вместе с тем ещё раз ответил на вопрос, стоявший перед Гвиницелли: что такое человек во вселенной? Ведь как бы он ни одухотворял Беатриче, как бы ни сближал с богоматерью, все же нельзя забывать, что она не канонизированная святая, что Данте вознес ее на небо своей волей и тем самым создал представление о человеке как о существе возвышенном.

Если в поэзии Данте следовал за своими предшественниками и отошел от них только в стихах, связанных прямо или косвенно со смертью Беатриче, то в прозе он первый проложил путь.

До него в Италии настоящей художественной прозы не было, а повести, напоминающей «Новую жизнь», не было и у других народов.

До Данте западноевропейская проза поучала благочестивыми назиданиями, развлекала рассказами о не-

обычайных приключениях рыцарей и их любовных стра-
даниях, смешала анекдотами про жадных монахов и
хитрых горожан.

Проза «Новой жизни» не развлекала и не поучала в обычном смысле этого слова. Вместе с тем нам кажется, что не правы те критики, которые считают, что прозаическая часть «Новой жизни» подчинена поэтической, служит лишь комментарием к ней. Поэзия и проза в «Новой жизни» нераздельны, но проза представляет не меньший интерес. Прозу Данте писал после смерти Беатриче и сразу же подчинил основному замыслу книги, поэтому она производит более цельное впечатление.

Неторопливо, чуть-чуть неуклюже и очень серьезно начинает Данте свое повествование: «В том месте книги памяти моей, до которого лишь немногое можно было бы прочесть, стоит заглавие, которое гласит: *Incipit vita nova*¹. Под этим заглавием я нахожу записанными слова, которые я намереваюсь передать в этой книжце, если и не все, то, по крайней мере, смысл их».

В этом коротеньком введении объясняется заглавие повести: «Новая жизнь» — это истинная духовная жизнь, которая началась после встречи с Беатриче.

Таким образом, уже в самом начале дается философское истолкование реальной юношеской любви. В дальнейшем двойной план произведения — реальный и философский — приводит к тому, что в повести сочетаются элементы разных жанров.

Следя французскому аллегорическому роману в стихах, имевшему подражателей во Флоренции, Данте вставляет в свою прозу аллегорические видения и сны, которые подчеркивают общефилософский смысл повести — стремление к нравственному обновлению. Аллегория в

¹ Начинается новая жизнь (лат.).

средневековой литературе и искусстве была вообще широко распространена, она возникла благодаря тому, что отцы церкви не признавали за искусством самостоятельной ценности, оно должно было поучать, иллюстрировать текст Евангелия или проповеди. В первой части сны и видения связаны с рыцарскими представлениями о любви; во второй и третьей части они приобретают мистический характер. Такую же цель — придать книге философское звучание — имеет пришедшая из мистической литературы так называемая магия чисел. Данте придает большое значение числам, кратным числу 3. Аллегория, магия чисел, сухой схоластический комментарий — все это напоминает, что перед нами памятник средневековой прозы.

Но одновременно там, где речь идет о непосредственных переживаниях поэта, о личном чувстве, там фактически зарождается совершенно новый жанр — психологический роман. В рыцарских романах о Тристане и Изольде, о Ланселоте и Гениевре уже было стремление показать внутреннюю жизнь человека. И быть может, прозаические рыцарские романы, пришедшие из Франции, послужили толчком к созданию своеобразного художественного произведения, заменившего итальянским горожанам их собственный рыцарский роман. Но повесть Данте, в основу которой положены биографические мотивы, и рыцарский роман кажутся произведениями разных эпох, хотя хронологически романы в прозе возникли немногим раньше «Новой жизни». Даже в лучших произведениях рыцарской литературы основное — это занимательность. Необычайные, сказочные события, фантастические приключения рыцарей хотя и не заслоняют трагических страстей, но являются тем необходимым элементом, без которого роман был бы невозможен. И вот после этих пестрых, красочных гобеленов

со сложным узором появляется вдруг строгое, обнаженное, графическое изображение, где цвет заменяют тонкие штрихи.

В повести Данте внешних событий очень мало, по существу только одно значительное — смерть Беатриче. Но каждый мелкий эпизод имеет значение, потому что он помогает лучше понять психологию чувства, развитие которого и составляет сюжет повести.

В первой части мы узнаем о робкой любви, возникшей еще в сердце ребенка. «...Поэтому в детстве моем я часто ходил в поисках ее...», — пишет поэт, вспоминая о зарождении своей любви. Вначале, пока чувство к Беатриче не превратилось в чистое созерцание, оно колеблется между страданием и радостью. «И, проходя по улице, она обратила очи в ту сторону, где я стоял, весьма оробев»; она поклонилась ему, и он блаженствует наедине, боясь кому-нибудь в этом признаться. «...Я испытал такую сладость, что, словно опьяненный, покинул людей и уединился в своей комнате и стал размышлять об Учтивейшей».

Дальше этого мечты его не идут, и потому, когда Беатриче лишает его этой милости, он приходит в бурное, преувеличенное отчаяние: «...после того как мне было отказано в моем блаженстве, охватила меня столь великая скорбь, что, убегая от людей, удалился я в уединенное место орошать землю горчайшими слезами; а потом, когда слезы несколько поутихли, я пошел в свое жилище, туда, где я мог печалиться, не боясь быть услышанным. И здесь взывал к милосердию госпожи учтивости и, произнеся: «Любовь, помоги верному твоему», я уснул, точно прибитое дитя, в слезах».

Кульминационный эпизод первой части — это встреча с Беатриче в доме ее подруги. Когда Данте видит Беатриче, он так меняется в лице, что все начинают смеяться

над ним. Насмешка Беатриче больно ранит его: «Если бы та госпожа знала о моем положении, она, думается, не смеялась бы так надо мной, но, вероятно, великая жалость охватила бы ее». И он пытается разобраться в противоречиях души своей. Здесь психологический анализ достигает наибольшей тонкости.

«Ежели ты принимаешь столь смехотворный вид, когда находишься близ этой госпожи, то для чего же ты ищешь увидеть ее?» — спрашивает он себя. Мы чувствуем, что наступил кризис, после которого будет перелом.

Во второй части, когда любовь Данте переходит в стадию созерцания, психологическая сторона книги ослабевает. И одновременно замедляется действие. Толчок к дальнейшему развитию сюжета дает смерть отца Беатриче и переживания Данте, вызванные этим событием. Наиболее напряженный момент этой части — веющий сон — связан с этими переживаниями. Затем опять наступает замедление: Данте вновь воспевает Беатриче.

Третья часть, как мы помним, начинается с оплакивания Беатриче. Дальнейшее развитие сюжета было бы невозможно, если бы не эпизод встречи с дамой-утешительницей. Чувство к ней не было внезапным, как к Беатриче. Оно развивалось постепенно, и Данте показывает, как оно все больше его захватывало. Внутренняя борьба с зарождающейся любовью описана в прозе еще более точно, чем в стихах, потому что в прозе личное начало выступает более рельефно.

В повести нет бытовых подробностей, конкретных обозначений, но зато есть сцены, которые напоминают нам, что мы не в волшебном мире рыцарей Круглого стола, а в мире реальном. (Данте встречает Беатриче на улице, в церкви, в доме ее подруги, а не в темном лесу; даму-утешительницу он видит в окне ее дома, а не в заколдованным замке.) Эти сцены помогают нам

проникнуться атмосферой внутренней жизни, которую Данте пытается открыть в своей «книжице».

В «Новой жизни» укрепляется и развивается этика «стильновистов», в основе которой лежит интерес к человеческой личности, к ее духовному миру. Эта новая этика не только отказалась от сословного принципа, но и позволила идеализировать не легендарного героя Роланда, а человека как такового; и вместе с тем она проникнута стремлением ко всеобщему духовному очищению человечества. Единству между человеком и миром в «Новой жизни» ничто не мешает. Здесь царит полная гармония. Любовь к женщине становится связующим звеном между поэтом и человечеством, но облечена любовь в форму мистическую. В сознании поэта духовный центр вселенной не человек, а божество, и поэтому любовь к женщине сближается с любовью к богу.

Так в повести отражается противоречивое мироощущение Предвзрождения.

«Новая жизнь» не исчерпывает всю лирическую поэзию Данте. Есть у Данте ряд стихотворений (лучшие из них — цикл так называемых «каменных канцон»), воспевающих любовь как чувство личное, имеющее значение только для него. В этой лирике нет никакой мистики, любовь в ней земная, иногда даже откровенно чувственная. В истории итальянской поэзии такая лирика не является чем-то совершенно новым, подобного рода мотивы звучали уже у предшественников Данте. Это воспевание земной любви тоже подготавливает Возрождение, но для Данте оно не столь характерно, как сложное, возвышенное чувство, которым проникнута поэзия «Новой жизни».